

УДК 316.4

DOI 10.26425/1816-4277-2019-3-169-172

Захаров Михаил Юрьевичд-р филос. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», Москва**e-mail:** m.u.zaharov@gmail.com**Комарова Анна Алексеевна**канд. социол. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва**e-mail:** komarova_a@inbox.ru**Крыштановская Ольга Викторовна**д-р социол. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва**e-mail:** olgakryshst@ya.ru**Zakharov Mikhail**Doctor of Philosophy Sciences, State
University of Management, Moscow**e-mail:** m.u.zaharov@gmail.com**Komarova Anna**Candidate of Sociology Sciences, State
University of Management, Moscow**e-mail:** komarova_a@inbox.ru**Kryshtanovskaya Olga**Doctor of Sociology Sciences, State
University of Management, Moscow**e-mail:** olgakryshst@ya.ru**КОНФУЦИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления природы управленческого знания в традиционной китайской культуре и возможности использования для этого методологического потенциала современной социологии знания. Сформулированы роль и значение познавательной проблематики в истории старого Китая, проанализирован конфуцианский тип знания, рассмотрено место в нем древнего управленческого знания, обосновано положение о формировании предзаданности общественно-го сознания китайцев. Сделан вывод об исторической значимости, продуктивности и перспективности конфуцианской социологии для формирования социокультурного механизма управления Китаем.

Ключевые слова: китайская культура, Конфуций, управленческое знание, социология знания, знания о прошлом, трансляция знания.

**CONFUCIAN SOCIOLOGY OF MANAGERIAL
KNOWLEDGE**

Abstract. The article attempts to conceptualize the nature of managerial knowledge in traditional Chinese culture and the possibility of using methodological potential of current sociology of knowledge for this task. The role and significance of cognitive problematics in the history of old China have been formulated, Confucian type of knowledge has been analyzed; the place in this ancient management knowledge has been considered a statement on formation of predetermination of social consciousness of the Chinese has been substantiated. A conclusion on historical significance, productiveness and potential of Confucian sociology for formation of sociocultural mechanism of management of China has been made.

Keywords: Chinese culture, Confucius, managerial knowledge, sociology of knowledge, knowledge of the past, knowledge translation.

Невозможно переоценить значение Конфуция и его учения для жизни китайцев. Уже во II в. до н. э. конфуцианство в Китае получает статус государственной идеологии, который с различными изменениями сохраняется и до сегодняшних дней. При этом многие конфуцианские идеи нашли свое воплощение в государственной политике Кореи, Японии и других стран. Так, Япония в XVII в., не без участия великого комментатора конфуцианских канонических произведений Чжу Си, провозгласила неоконфуцианство своей государственной идеологией. Безусловно, это уже был не классический вариант Конфуция, а некое систематизированное универсальное учение, пригодное для идеологического использования.

Управленческое знание – основополагающее в конфуцианстве. Оно морально по своей природе, позволяет любому человеку понять, что нужно или чего не нужно делать в социально-этической области и как сделать так, чтобы от любого управленческого действия управляющий и управляемый получали моральное удовлетворение и двигались в сторону совершенства. Это многогранное знание, элементом которого являются управленческие знания прошлого, и Конфуций много размышлял о прошлом, соотношении с настоящим и его значении для жизни человека и общества. Знания о прошлом не имели самостоятельного статуса и были вплетены в ткань социальных и этических проблем, что послужило предлогом для длительных дискуссий в старом Китае. Понять природу конфуцианского управленческого знания, значит приподнять завесу над великой созидательной силой самого конфуцианства, сыгравшего значительную роль в модернизации современного Китая. Сегодня для этого существует эффективный методологический инструментарий, в котором можно выделить, как минимум, два взаимосвязанных подхода – философский и социологический.

© Захаров М.Ю., Комарова А.А., Крыштановская О.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Традиционно в рамках философии познания изучается процесс мыслительной деятельности в сознании человека, связанный с производством знания, а последнее понимается как результат этого процесса, продукт человеческой психики. При этом к знанию относится не любой результат познания, а лишь тот, который мог пройти определенную селекцию, выражающуюся в выделении определенных мыслительных операций и подборе критериев, отделяющих знание от незнания, субъективное знание от объективного. Европейскую философию всегда интересовала чистая гносеология и, следовательно, абстрактное знание, природа знания и процесса его получения, универсальный метод, преобразование действительности с помощью полученного знания. Именно таким путем формировалась классическая гносеологическая традиция, начиная от древнегреческой философии и заканчивая современными философскими концепциями и теориями.

Китайская традиционная философия пошла другим путем: отказалась от автономной роли познавательной проблематики в духовной культуре. На эту особенность указывают многие современные ученые и, в частности, один из авторитетных исследователей истории китайской философии Фэн Ю-лань в работе «Краткая история философской мысли [7]. Действительно, в истории Китая не так много можно найти мыслителей, которые были бы готовы осуществлять процесс познания ради потребностей самого познания, следствием чего явилось отсутствие (в европейском понимании данного слова) системности и логической стройности в китайском познании, самой цели получения некоей совокупности знаний о познании. Процесс познания, например в даосской культуре, связан с феноменом Дао, которое определяло все в мире и, следуя которому, можно получить знание о мире. Здесь отсутствует необходимость самостоятельного познания, нужно знание Дао, которое и даст ответы на все интересующее человека вопросы. Обретая Дао, вы получаете знание как конечный продукт латентного процесса познания. Причем самостоятельный поиск всеобщего знания вреден для человека, так как мыслящий индивид должен постоянно ограничивать свой интеллект во имя совершенствования естественных способностей, заложенных самой природой. Новые знания нарушают естественный порядок вещей, требуют новых интеллектуальных и энергетических усилий, и от них нужно воздерживаться. Но это вовсе не говорит о том, что даосы полностью дистанцировались от повседневных знаний, которые они получали, двигаясь путем Дао.

Подобной познавательной позиции придерживались и конфуцианцы, которых не интересовали вопросы чистого познания, хотя отдельные из них и обсуждали пути получения знания, их роль, значение для жизни отдельного человека и общества в целом. Например, в учении неортодоксального основоположника ханьского конфуцианства Сюнь-цзы, мыслителя, который первым осуществил интерпретацию конфуцианского канона, представлена самостоятельная система гносеологического знания, в которую включены элементы познания, знания, незнания, истины, заблуждения, верификации и т. д. Акцент здесь был то же сделан на самом знании и на природе его получения [6].

Конфуций, его последователи не абсолютизировали поиски путей познания, а отталкивались от знания мира таким, каков он есть, требовали почитать саму жизнь, в особенности исторический опыт общества. Китаю, считали они, не нужно знание как копия застывшей реальности, подобное знание обманчиво, оно не способно угнаться за переменами. Людям необходимо живое знание, не стремящееся выйти за пределы эмпирического мира, решающее задачу не изменения мира с целью последующего завладения, а достижения единобытия с миром. В процесс данного познания всегда включается усилие духа личности, так как требуемое знание недоступно неправедному сердцу, непросветленному уму и именно поэтому в зависимости от просветленности сознания знание то приближается, то удаляется.

В XX в. сформировалось определенное социологическое осмысление знания, что способствовало познанию конфуцианского знания на новом понятийном уровне. Социология знания позволяет рассматривать конфуцианское управленческое знание как синоним групповых (коллективных) представлений о чем-либо. Именно в прошлом некая социальная группа определила какую-то когнитивную конструкцию как эффективное управленческое знание, и все члены общества сегодня должны воспринимать это как знание. Следовательно прошлое управленческое знание становится синонимом современных общественных представлений. Эти представления могут иметь различную степень социальной значимости, но несмотря на это воспринимаются всеми членами общества как управленческое знание. При этом существует очень сложный механизм формирования подобного восприятия, учитывающий социальные, семиотические, психологические и другие факторы.

Как подчеркивают в данной связи П. Бергер и Т. Лукман, «социология знания должна изучать все то, что считается в обществе «знанием», невзирая на обоснованность или необоснованность (по любым

критериям) такого «знания» [2, с. 12]. Следовательно, социология знания, занимаясь проблемой конструирования социальной реальности, в качестве объекта выбирает не процесс получения знания, или некий познавательный путь, а механизм социального восприятия и последующего признания определенной когнитивной конструкции в качестве знания. В поле объекта также попадает весь цикл взаимодействия со знанием, его социальной объективации: определение статуса, перевод личностного знания в информационную форму, трансляция, усвоение, сохранение, архивация, уничтожение. Процесс интернализации (т. е. процесс перехода знания из субъективного состояния в объективное, используемое обществом) является фундаментом формирования когнитивной традиции в любом обществе.

Данный подход позволяет понять, почему для конфуцианцев всегда было важно отношение человека к управленческому знанию, честное разграничение знания и незнания, так как последнее является залогом определения истинности знания. Прагматический подход к познанию позволил им выйти на понимание, что человеку не нужно проверять управленческое знание на предмет «истинно-ложно», ему нужно следовать [3]. При этом последователи Конфуция определили еще более высокий прагматический статус этого знания, наделив его возможностью влиять не только на человека, но и на само процветание Поднебесной. Так, автор «Великого учения» (авторство точно не установлено и приписывается Цзэн цзы или Цзы-сы), которое является одним из конфуцианских канонов, входящих в состав «Четверокнижия», подчеркивал: «Когда древние хотели направить Поднебесную по пути добродетели, они сначала хорошо управляли своим государством. Желая хорошо управлять своим государством, они сначала наводили порядок в своей семье. Желая навести порядок в своей семье, они сначала совершенствовались самих себя. Желая усовершенствоваться самих себя, они сначала делали правым свое сердце. Желая сделать правым свое сердце, они стремились быть искренними в своих помыслах. Желая быть искренними в своих помыслах, они расширяли свои знания. Так расширение знаний ведет к постижению вещей. Когда вещи познаны, знание стало полным. Когда знание стало полным, помыслы были искренни. Когда помыслы искренни, сердце становилось правым. Когда сердце становилось правым, они достигали совершенства. Когда они достигали совершенства, в их семьях наводился порядок. Когда в их семьях наводился порядок, должным образом управлялось государство. Когда должным образом управлялось государство, в Поднебесной воцарялись мир и спокойствие» [1, с. 92].

Прошлое управленческое знание можно получить из древних книг совершенномудрых, тех, кто знал волю Неба, и их не нужно проверять, им нужно доверять. Доверие к прошлому – особая черта конфуцианства. Сам Конфуций много внимания уделял в беседах с учениками именно правильной интерпретации доверия. Например, на вопрос Цзы-гуна: «В чем состоит управление?», Конфуций отвечал: «В достаточности пищи, в достаточности военных сил и в доверии народа», «без доверия народа правительство не сможет стоять» [5, с. 218]. Смысл данного высказывания можно всецело соотнести с проблемой трансляции знания, где с европейской гносеологической точки зрения процесс обычно развивается от современного знания к осмыслению исторического и обратно, то в конфуцианской традиции мы видим совершенно противоположное направление движения от прошлого управленческого знания к современному знанию и соответствующему действию. Это знание следует принимать на веру, доверяя, не пытаться его по-новому переосмыслить.

У национального китайского Учителя довольно много высказываний о необходимости возрождения и познания древнего, как элитарной, некогда утраченной системы знаний. Последняя актуальна и полезна, так как, кто повторяет «старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других», т. е. получит необходимое для этого управления знание [5, с. 151]. Он постоянно апеллировал к древним, которых считал более приближенными к «врожденному знанию», а, следовательно, более умными, так как они «учились для себя, а ныне учатся для других» [5, с. 240]. Даже говоря о себе, Конфуций постоянно подчеркивал: «Я не тот, который обладает знанием от рождения, а тот, который любя древность, усердно ищет ее» [5, с. 186].

Следует заметить, что Конфуций поклонялся не мифической древности, а вполне конкретному обществу эпохи Чжоу (1122-1249 гг. до н. э.) и общался с предками так, словно они были живые, а приносил жертвы духам, будто они стояли перед ним. В исторических документах эта эпоха описывалась как гармоничное общество, в котором существует управляемость, иерархический порядок, почитание старших младшими, господствует учтивость и властвует строгий ритуал. Последний был очень сложным, пронизывал все без исключения сферы общественной жизни и имел единственную цель – навести порядок и сформировать гармоничное общество. Подражая пути древних правителей, т. е. следуя нормам ритуала, жители

Поднебесной следовали Воле Неба. В данном процессе нет места осознанности, все действия находятся вне границ саморефлексии человека. Но если человек все же познает великие законы жизни, который передали древние, «то вечером он может умереть без сожаления» [5, с. 164].

Все современные исследователи солидарны в том, что в духовной жизни Китая постоянно присутствует тонкая связь с прошлым, повсеместно культивируется знание о прошлом, независимо от положения людей на различных ступенях социальной лестницы. В реальной жизни существуют многочисленные проявления этой связи и одной из форм подобного проявления является некая историческая предзаданность определенных ментальных образов, психологических установок китайцев. Эту предзаданность практически невозможно описать в четких научных терминах, но можно с большой долей вероятности предугадать реакцию людей на определенные события в будущем. Последние еще не имеют места, а отношение к ним уже исторически предопределено. Российский синолог В. В. Малявин описывает этот китайский феномен как событийность или данность, формируемые предками и определяет это состояние как таковость (подобие), т. е. «сам по себе таков». «Вся мудрость Китая выражена в одной простой фразе, больше известной на Западе со слов чань-буддийских наставников, но на самом деле восходящая к конфуцианским и даосским текстам: «Сиди как сидишь, иди как идешь». Истинность своего существования – быть «совсем как другой» (эту истину отлично усвоили и применили в культурной практике японцы) [4].

Таким образом, конфуцианская социология управленческого знания позволила понять значимость прошлых управленческих знаний, обосновать пути приобщения к древнему знанию, удобному для действия, уместному для активности в той или иной жизненной ситуации, приносящему удовлетворение и снимающему ответственность за совершенное действие в управленческой сфере общества.

Библиографический список

1. Григорьева, Т. П. Китай, Россия и Всечеловек. – М.: Новый Акрополь, 2011. – 472 с.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Захаров, М. Ю. Китайский феномен «Великий Предел»: философско-социологический подход к исследованию / М. Ю. Захаров // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. – М., 2017. – С. 185–189.
4. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х т. / Отв. ред. В. Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 394 с.
5. Конфуций. Суждения и Беседы. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 304 с. – Серия «Путь мастера».
6. Феоктистов, В. Ф. Философские трактаты Сюнь-Цзы: Исследование. Перевод. Размышления китаеведа / В. Ф. Феоктистов. – М.: Наталис, 2005. – 432 с.
7. Фэн, Ю-лань. Краткая история китайской философии / Ю-лань Фэн; пер. Р. В. Котенко, науч. ред. Е. А. Торчинов. – СПб.: Евразия, 1998. – 376 с.

References

1. Grigor'eva T. P. Kitai, Rossiya i Vsechelovek [China, Russia and all-Man], M.: Novyi Akropol', 2011, 472 s.
2. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge], M.: Medium, 1995, 323 s.
3. Zakharov M. Yu. Kitaiskii fenomen «Velikii Predel»: filosofsko-sotsiologicheskii podkhod k issledovaniyu [Chinese phenomenon «Great Limit»: philosophical and sociological approach to research], Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoi modernizatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Federal'nyi nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr Rossiiskoi akademii nauk, M., 2017, pp. 185–189.
4. Kitaiskaya tsivilizatsiya v globaliziruyushchemsya mire. Po materialam konferentsii [Chinese civilization in a globalizing world. According to the materials of the conference], v 2-kh t. / Отв. ред. В. Г. Хорос, М.: ИМЭМО РАН, 2014, 394 p.
5. Konfutsii. Suzhdeniya i Besedy [Confucius. Judgments and Conversations], Rostov-on-Don: Feniks, 2004, 304 p. – Seriya «Put' mastera».
6. Feoktistov V. F. Filosofskie traktaty Syun'-Tszy: Issledovanie, Perevod. Razmyshleniya kitaeveda [Philosophical treatises Xunzi: a Study. Translation. Reflections of a sinologist], M.: Natalis, 2005, 432 p.
7. Fen Yu-lan'. Kраткая istoriya kitaiskoi filosofii [A brief history of Chinese philosophy], Per. R. V. Kotenko, nauch. red. E. A. Torchinov, SPb.: Evraziya, 1998, 376 p.